

Если твоя сестра ужасно куда-то торопится, она непременно наденет твой лучший свитер.

Пэм Браун

1. Тамара. Январь, 2015 г.

Она с легкостью призналась мне, что убила своего мужа. Убила и избежала наказания. Не то что я. Мы посмотрели друг другу в глаза, словно проникая взглядами в наши судьбы, и поняли, что в это мгновение родилась наша дружба. Я даже подумала тогда, что она, эта прекрасная женщина открылась мне словно в благодарность за то, что я отсидела вместо нее. Вот такое странное у меня было чувство.

Конечно, выглядели мы весьма контрастно. Была зима, холодно. За окном мелькали белые январские пейзажи, плавилось бледное холодное солнце, черными частоколами проплывали озябшие леса. Моя соседка вошла в купе в роскошной шубке из чернобурки, в меховых сапожках, голову ее украшал красный кокетливый берет, в то время как на мне были черная кожаная куртка, джинсы и летние кроссовки.

Из-под берета ее выбивались светлые локоны, моя же голова со спутанной гривой стриженных чуть ниже мочек ушей волос была не покрыта, да

и выглядела я так, как и должен выглядеть человек, сутки назад вышедший на свободу. Первые минуты этой самой свободы вскружили голову, как шампанское, но уже очень скоро это опьянение сменилось черной тоской, и я, оказавшись среди нормальных людей, в толпе на рыночной площади, где мне захотелось раствориться и затеряться, почувствовала себя чужой, другой. Я бы не удивилась тогда, увидев свое отражение в каком-нибудь грязненьком рыночном зеркале, к примеру, под навесом палатки, торгующей меховыми шапками: на моем лбу наверняка пульсировала бы розовым воспаленным рубцом надпись «зэчка».

То, что нас в купе ехало двое, оказалось счастьем, которое я смогла осознать лишь спустя время. И надо же было такому случиться, что мы в купе так до самой Москвы и ехали вдвоем.

Мою попутчицу звали Ларисой. Очень люблю это имя. И, если бы мне представилась такая возможность, сменила бы свое, не в меру яркое, как дешевая помада, имя «Тамара» на «Лору», «Ларису». Лариса — это красота, изящество, тайна, это перламутр, облитый позолотой и усыпанный изумрудами и сапфирами.

Она вошла, держа в одной руке новенький «луивюиттоновский» чемодан, украшенный чуть ли не золотом, другой прижимая к груди рыжую замшевую сумочку. Эта молодая дама благоухала

сладкими духами, в то время как от меня пахло, я думаю, тюрьмой. Во всяком случае, такой грязной и дурно пахнущей я себя ощущала. И это несмотря на то, что, добравшись из Видима до Саратова, перед тем, как отправиться на вокзал, я посетила общественную баню и вымылась там как следует.

— Девушка, поезд скоро отправляется, — заметила я из своего угла, куда забилась, как мышь, — и в вагоне, я видела, полно пустых купе. Вы можете попросить проводницу, и она переселит вас подальше от меня.

У дамы округлились глаза. Она была очень удивлена моими словами.

— А в чем дело? — спросила она наконец, приблизившись ко мне, чтобы получше рассмотреть. — Вы что, заразная?

— Я вчера вышла из тюрьмы.

И вот тогда-то она, не выяснив подробностей, раскрылась передо мной, как раковина-беззубка.

— Подумаешь. Все люди немного преступники. Просто одним повезло больше, другим — меньше. Кто-то попался, а кто-то — нет. Вы понимаете меня?

Произнеся эти слова, она как-то очень уж спокойно принялась раздеваться, раскладывать свои вещи.

Я спросила себя, зачем я ей сказала, что вышла из тюрьмы. Какая в этом была необходимость? Я что, совсем рехнулась в камере?

Поезд еще не тронулся, а она уже захлопнула дверь, заперлась на металлическую защелку, переделалась, не обращая внимания на меня (и на стоящих за окном на перроне, в синих вечерних сумерках, провожающих), в широкие удобные штаны табачного цвета и тонкий черный свитер.

— Лариса, — она совсем неожиданно повернулась ко мне и протянула руку. Улыбка играла на ее красивом бледном лице. Большие темные глаза горели странным, загадочным светом.

— Тамара, — я легко пожала ей руку. — Вы извините... Сама не знаю, зачем я вам это сказала.

— Подумаешь... тюрьма. Я тоже преступница, мужа убила. Теперь вот вдовствую с большим удовольствием, денег столько, что не знаю, куда девать!

И засмеялась, просто захохотала тихо так, но заразительно. Я вдруг представила ее в компании, рассказывающую анекдоты. У нее это, должно быть, очень хорошо получается.

— Врете?

— Нет. Просто каждое преступление надо хорошенько обдумать, подготовиться, понимаете? И тогда ничего страшного не случится. Тамарочка, вы будете переодеваться или можно открыть дверь?

— У меня только то, что на мне надето, — призналась я. — Так что можете спокойно открывать.

Поезд к тому времени уже поплыл вдоль перона, оставляя позади себя здание вокзала с горящими окнами, фигурки людей, темные склады, домишки, мрачные пустыри...

Лариса извлекла из чемодана бутылку с коньяком, после чего, легкая на подъем, сходила к проводнице за стаканами.

— Выпьем за знакомство?

У нее была чудесная улыбка. А взгляд пробирал до костей. Таким людям хочется довериться, вывернуться перед ними наизнанку, рассказать о себе всю правду. Да еще под стук вагонных колес!

Мы выпили. Быстро перешли на «ты». Решили пойти в ресторан — поужинать. Конечно, это была не домашняя еда, но вполне сносная. Жареная картошка, отбивная, салат.

— У меня есть витамины для лошадей, — сказала мне Лариса, с аппетитом уминая отбивную.

— Зачем они тебе? — Я пьянела от выпитого в купе коньяка, от сытной еды, от тепла и сознания того, что мне жутко повезло с попутчицей.

— Не мне, а тебе. Это такие витамины, чтобы у лошадей лучше росла грива. Умные люди используют их для роста человеческих волос. Приедем в Москву, остановишься у меня, и поделаем тебе маски для волос. Потом я познакомлю тебя

с одной волшебницей, девочка-косметолог, она поколдует с твоей кожей. Я, конечно, не сидела в тюрьме, знаю ее только по фильмам, точнее, по сериалам, но все равно имею какое-то представление. Это настоящий ад. И там тебе точно было не до внешности. Но я помогу тебе. Тебе кто-нибудь говорил, что ты красивая?

Стены ресторана поплыли, все закружилось перед глазами, и я оказалась в центре большого провинциального города Саратова, за стойкой ночного бара, с бокалом «Маргариты» в руке.

— Девушка, вам кто-нибудь говорил, что вы красивы?

Боже, как же давно это было!

Я повернула голову и встретила взглядом с мужчиной. Лет тридцати с небольшим. Он был, как мне тогда показалось, даже чем-то похож на меня. Черные волосы, синие глаза. Мы были с ним одной масти. Он был сильно пьян, смотрел куда-то мимо меня. Воротник его белой сорочки был расстегнут, синий с изумрудной полоской галстук свободно обвивал шею. Смуглая кожа в вырезе белой сорочки, темная курдюная шерсть спускается к груди — вот на что я смотрела как-то очень долго, чтобы не утонуть в синих глазах.

— Я пьян. Но вы все равно очень красивая.

Я пожала плечами. Что тут ответишь? Был бы смысл во всем этом, а так он был слишком пьян. Все равно ничего не понял бы, не запомнил.

— Меня зовут Григорий, — он протянул мне руку, она была теплая, даже горячая. — Я потерялся. Верите?

— Как это?

— Ужасно глупо. Приехал с другом на рыбалку, он очень просил. На машине. Мы проехали тысячу километров. И вот, он рыбу ловит где-то на островах, а меня забыл в гостинице. Просыпаюсь — его нет. Голова трещит, в номере душно... Начал искать свою сумку с вещами — не нашел. Должно быть, оставил в машине друга. Ну, я спустился вниз, спрашиваю у девушки, где здесь можно купить приличную рубашку и брюки, она показала. Я купил вот эту рубашку, — он устало засмеялся, и я увидела его белые ровные зубы. — И брюки. Пришел сюда, потому что этот бар ближе всего к гостинице. И вот набрался по самые уши. Теперь презираю себя.

Я очень хорошо помню то время. Июль 2013 года. Я остывала после очередного бурного романа. Не хотела видеть мужчин, считала их недочеловеками. Но вот этого, с синими глазами и черными блестящими волосами, захотелось иметь в своем доме просто как красивую вещь. Посадить в кресло и любоваться. Или лучше уложить в постель, предварительно раздев его. Всегда хотела обладать мужчиной как вещью.

Я допила свой коктейль и собиралась уже уйти, как снова услышала его голос:

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Какой? — Я все же подняла на него взгляд, мысленно поцеловала в тонкие губы.

— Вам кто-нибудь говорил, что вы очень красивая?

— Теперь это уже не важно.

— Значит, говорил. А я повторю. Вы — необыкновенно красивая девушка. Вот только я не понимаю, что вы делаете одна здесь, в этом баре? Здесь почти пусто... Не поверю, что вы пришли сюда, чтобы просто выпить.

Он что-то еще говорил, но я его уже не слышала. Я вышла из бара в душную июльскую ночь. Время приближалось к полуночи. Позади был трудный, интересный день. Турбюро, в котором я работала, было раскрученным, процветало, и в сезон мы отправляли людей отдыхать за границу пачками! В тот день, к примеру, я успела продать двенадцать туров, оформить кучу документов, и это не считая проданных авиабилетов. Мне нравилась моя работа, я получала удовольствие от общения с людьми, и мне искренне хотелось им помочь, выбрать тур в соответствии с их желаниями и возможностями. Но больше всего мне нравилось рассказывать моим клиентам об Англии и Шотландии (моя страсть!), навязывая им маршруты по своему вкусу. И кто бы мог предположить, что в нашем городе найдется так много

желающих потратить все свои сбережения на путешествие!

Работа отвлекала меня и от неприятных мыслей, связанных с моим бывшим парнем, который буквально за несколько дней до описываемых событий бросил меня, чтобы жениться на одной состоятельной даме, хозяйке сети кондитерских. Она была старше его на двенадцать лет, хотя и выглядела, надо отдать ей должное, очень даже неплохо. И все равно, все это было тяжело, унижительно, да просто невыносимо.

Я стояла на пустой ночной улице, задрав голову и разглядывая сверкающие звезды, когда кто-то подошел ко мне сзади и положил руки мне на плечи.

— Возьмите меня к себе... Не хочу в гостиницу...

Мужчина едва стоял на ногах.

Я вызвала такси, и мы вдвоем поехали ко мне.

* * *

— Его звали Григорием, — говорила я заплетаящимся языком, чувствуя, как по моим щекам катятся слезы. — У него были синие глаза. Цвета июльского вечернего неба.

— Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени? — Лариса нахмурила свои тонкие брови. — Он что, умер? Или это ты его убила?

— Бог с тобой, Лариса! Такие люди не умирают. Они превращаются в ангелов и улетают.

— Думаю, ты выпила слишком много коньяку. Пойдем, Томочка... Можно, я буду тебя так называть?

— Можно.

Я дала себя увести, мы вернулись в наше купе, и Лариса с материнской заботой взбила подушку, уложила меня в постель и укрыла одеялом. Все те мои драгоценные чувства, какие мне пришлось глубоко запрятать, оказавшись на нарах, выплыли наружу обильными слезами жалости к себе и благодарности к постороннему человеку, так близко принявшему мою печаль к сердцу. Лариса — она была подарена мне судьбой, и наша встреча в купе была предопределена. Возможно, именно это обстоятельство, это знакомство и придали мне сил, заставили по-другому взглянуть в свое заметно посветлевшее будущее.

Утром, правда, когда коньяк выветрился из моей головы и меня снова охватила тоска при мысли, что мы прибыли в Москву, где меня никто не ждал, я почувствовала себя в тупике. И хотя передо мной простирался перрон Павелецкого вокзала, уходящий за горизонт, я четко знала, что в тупике, и что нет мне дороги, как нет и надежды на возвращение к нормальной жизни.

— У тебя лицо самоубийцы, — заметила Лариса, небольшими перебежкамидвигающаяся в сторону здания вокзала и волоча за собой свой роскошный чемодан. — Бери меня под руку, чтобы не потеряться. Да смотри по сторонам, чтобы меня не ограбили. Здесь работают профессионалы, не успеешь оглянуться, останешься в чем мать родила, без багажа, документов, денег, драгоценностей. Мне надо было бы выглядеть поскромнее, собираясь ехать в поезде. В самолете — совсем другое дело. Там как-то все быстро, а здесь — другой мир, воры, карманники, мошенники. Очень я боюсь вокзалов!

— Почему — самоубийцы? — Я выудила из улышанного лишь это страшноватое слово.

— Не знаю, мне так показалось.

— А ты видела когда-нибудь лицо человека, собирающегося покончить с собой?

— Вот еще! В моем окружении все нормальные люди. И веселые. Очень надеюсь, что и ты очень скоро восстановишься, во всяком случае, я постараюсь тебе в этом помочь. Ты хотя бы скажи, какие у тебя в Москве дела? Встреча?

— Да.

— Так может, я навязываю тебе свою компанию? — Она вдруг остановилась, чтобы заглянуть мне в глаза. — Я спрашиваю, может, тебя здесь ждут и тебе есть где остановиться, а я тут к тебе со своими предложениями? Ау, Томочка, ты меня воспринимаешь?